УДК 070 (091)
ББК 76. 120. 4
Ш 31
Шахбазян М. А.
Кандидат филологических наук, доцент кафедры истории журналистики и коммуникативистики Кубанского государственного университета, e-mail: cappadocia@list.ru

Рецензия в русской религиозно-философской публицистике как подражание проповеди
(Рецензирована)

Аннотация:
Рассматриваются особенности рецензии в русской религиозно-философской публицистике на материале рецензий Д. С. Мережковского. Вычленяется общее с рецензиями других представителей направления. Особое внимание уделяется «проповедническому» характеру, который сказывается как в содержании, так и в языке и стиле. Делаются выводы, что рецензия такого типа способствовала трансформации религиозного сознания в сторону архаизации.
Ключевые слова:
Русский модернизм, религиозно-философская публицистика, рецензия, проповедь, стиль, авторитарность, механизмы цитирования, приемы убеждения.

Shakhbazyan M. A.
Candidate of Philology, Associate Professor of History of Journalism and Communicology Department, the Kuban State University, e-mail: cappadocia@list.ru

The review in Russian religious-philosophical publicism as sermon imitation

Abstract:
The paper discusses specific features of the review in Russian religious-philosophical publicism basing on a material of reviews of D.S. Merezhkovsky. The author shows similarity with reviews of other representatives of this direction. Special attention is given to «sermon-like» character which is reflected both in the content and in language and style. It is inferred that the review of this kind promoted transformation of religious consciousness towards archaization.
Keywords:
Russian modernism, religious-philosophical publicism, the review, the sermon, style, authoritativeness, citing mechanisms, methods of convincing.

На рубеже XIX и XX веков в творчестве публицистов религиозно-философского направления сложился особый вид рецензии, отличительная особенность которого заключается в том, что предметом анализа в ней является одновременно и отраженная (через художественный текст) действительность, и ре-

альная действительность, рассматриваемая через призму художественных, философских и религиозных взглядов рецензента. Помимо этого она отличается от традиционной рядом признаков, затрагивающих структурный, содержательный и языковой уровни.

Исходной (в прямом и переносном смысле) парадигмой для представителей русской религиозно-философской публицистики становится церковная проповедь [1]. Это вполне совпадает с общим пафосом «религиозного возрождения» в русском литературном и философском модернизме. Самым ярким представителем «проповедничества» в публицистике, на наш взгляд, является Дмитрий Сергеевич Мережковский. Язык и стиль его рецензий представляют большой интерес, как с точки зрения своего содержательного ядра, целеполагания, так и с точки зрения подбора элементов формы.

Сравнивая тексты литературных рецензий Мережковского с аналогичными текстами Н. А. Бердяева или В. Ф. Эрна, мы не можем не отметить ряд сходных черт, главная из которых – авторитарность, находящая отражение на всех уровнях текста.

Так, всем выше названным авторам свойственно «переписывать» идейный ряд рецензируемого произведения, выбирая из него лишь те фрагменты, которые служат для подтверждения собственных идей. Лев Шестов пишет: «Мережковский через голову Достоевского получил богатства, хранившиеся до него в старинных сокровищницах европейской культуры. То же, что принадлежало собственно Достоевскому, было признано Мережковским лишь на минуту – и потом предано забвению» [2: 175 - 176].

Однако способы проявления авторитаризма у Бердяева, Эрна и Мережковского различны. Причина этого кроется в разных амплуа, которые избрали для себя авторы. У Эрна и Бердяева это амплуа ученого, философа-вольнодумца, общественный вес которого возводит его посылки в ранг аксиом. Мережковский же носит маску проповедника и, прикровенно, – пророка. Практически все исследователи отмечают, что Мережковский всегда желал не только теоретически разработать определенные религиозные учения, но также и оказать практическое влияние на жизнь Церкви, духовенства и публики вообще. Он писал: «Надо преодолеть в христианстве историческом не метафизикой метафизику, не мыслию мысль, а опытом опыт, откровением откровение, надо не говорить о том, что Два суть Едино, а явить Едино в Двух, сделать, чтобы Два были Едино» [3: 147]. Поэтому позиция проповедника, «отца Грядущей Церкви» была для него неизбежна.

Рассмотрим, каким образом эта позиция связана с реализацией в тексте авторитарности. Здесь мы сталкиваемся с дилеммой. С одной стороны, позиция Мережковского диктует ему необходимость скромности, отсутствия агрессии и прямого осуждения оппонентов. Она делает невозможным утверждение себя как наивысшего авторитета, поскольку в данной системе ценностей авторитетом является не проповедник, и даже не пророк, но только Бог. С другой стороны, Мережковский выступает апологетом новой религии и неизбежно попадает под власть сектантской модели сознания, формируемой в результате непреходящей необходимости противостоять всему миру и позиционировать свою систему ценностей как единственно верную.

Итак, «пророческие» устремления Мережковского предполагают сближение его рецензий с церковной проповедью.

Архиепископ Аверкий (Таушев) особенностью проповеди считает ее церковно-библейский характер, что проявляется не только в содержании, но и в языке: «язык проповеди должен быть особенный, стиль проповеди должен быть возвышенный», «необходимо употребление тех слов, заимствованных из Слова

Божия, которые для проповеди являются как бы своего рода техническими словами, напр.: «благодать», «грехопадение», «таинство» и т. п.» [4: 45].

Мережковский тонко чувствует эту особенность. В своих рецензиях он стремится говорить на другом языке – высоком, церковном. Отметим несколько самых распространенных элементов, способствующих у Мережковского имитации «высокой» речи:

1. Обилие восклицаний, создающих эффект трагизма, или – вопросительных конструкций риторического характера. *Что такое Петр? Чудо или чудовище?»* [5: 369]*; «Бедный Тютчев! Бедные мы!»* [5: 467].

2. Широкие обобщения, преимущественно на основе звучной метафоры. *«… Первый русский интеллигент – Петр. Он отпечатал, отчеканил, как на бронзе монеты, лицо свое на крови и плоти русской интеллигенции»* [5: 369].

3. Каскады однокоренных слов, часть которых является церковнославянизмами. *«Но они в огне не горели и в гноище не гноились* [5: 79].

Однако при почтении текстов Мережковского чаще всего мы ощущаем не подлинный дух проповеди, исполненной внутреннего напряжения, но ощущение тщательно сделанной, детально проработанной имитации. Об этом писал еще Лев Шестов: «Следует отметить… что все наши писатели, пришедшие к христианству путем эволюции, никак не могут научиться по-настоящему выговаривать святые слова. Даже Мережковский, вот уже сколько лет упражняющийся на богословские темы, не дошел до сих пор до сколько-нибудь значительной виртуозности, несмотря на свое несомненное литературное дарование. Настоящего тона нет. Вроде того, как человек, в зрелом возрасте изучивший новый язык… В этом отношении их всех далеко превосходит Розанов, хотя, как известно, он в Христа не верит и Евангелие не признает. Но он с детства был воспитан в правилах благочестия, не знал увлечений дарвинизмом и марксизмом и сохранил себя нетронутым [2: 171].

Характерная особенность стиля Мережковского (впрочем, это справедливо для русской религиозно-философской публицистики в целом) – это любовь к цитате. В его рецензиях можно выделить несколько устойчивых механизмов цитирования:

«Вопросительное цитирование», то есть приведение пространной цитаты, как правило, выдержки из речи одного персонажа. Такая цитата выполняет функции риторического вопроса, позволяя рецензенту перейти к изложению собственных мыслей и взглядов. *«Я не понимаю боязни наказания и смерти, говорит Фрумкина, – не понимаю желания сберечь себя для будущих великих дел, а пока пресмыкаться…» Это религия бесконечного бунта, возмущения, сопротивления злу…»* [5: 109].

Цитирование как элемент пересказа.

«Иллюстративное цитирование», то есть приведение цитаты, включающей обрывок диалога или несколько абзацев текста, в целях иллюстрации идеи рецензента. Как правило, цитата вводится без вступления и оформляется так, как это показано в примере. (Если цитируется стихотворный текст, то вводная часть присутствует, а пунктуационное оформление – нет.) *«… что-то сдвинулось или вот-вот сдвинется именно в этом направлении… от последнего «нет» к последнему «да».*

«- Да, – сказала Муся. – Да, Вернер.

- Да, ответил он. – Да, Муся, да!

Было понято нечто и утверждено ими непоколебимо…

- Вернер, скажи мне, разве есть смерть?

Не знаю, но думаю, что нет, – ответил Вернер серьезно и вдумчиво. – Может быть, для некоторых смерть и есть. Пока, а потом совсем не будет. Вот и для меня смерть была, а теперь ее нет.

- Была, Вернер? Была?

- Была. Теперь нет. Как для тебя.

Встретились их взоры и вспыхнули ярко – и все погасло кругом: так в мгновенном блеске молнии гаснут все иные огни…».

Этот «мгновенный блеск молнии» и есть новое, пока еще бессознательное религиозное «да»…» [5: 40].

4. «Сокращенное цитирование», то есть использование отдельных слов или выражений из рецензируемого произведения. Из элементов оформления цитаты присутствуют только кавычки. Прием используется либо для передачи авторского стиля, либо для его критики. *«Всякий человек должен быть сильным». «Астрономия – торжество разума». «У американцев – высокая культура»… «Среди нас, евреев, родился Христос и Маркс». «Товарищи, солнце ведь тоже пролетарий». По этим изречениям я не сужу об уме самого Андреева, только спрашиваю, знает ли он или не знает, что его герои одарены нечаянным и самоубийственным остроумием Кузьмы Пруткова»* [5: 14].

5. Цитирование Священного Писания. Используется преимущественно для подтверждения той или иной мысли Мережковского, а также в качестве совета, указания или рекомендации, реже – как ассоциация с фрагментом рецензируемого текста. *«Боже мой, Боже мой, для чего Ты оставил Меня?» – «Потерпи, Сынок, узнай правду-то, какова она». А правда такова, что Отец – Сыноубийца, Человекоубийца, Дьявол»* [3: 33].

Любопытна система методов убеждения, используемых Мережковским в его творчестве, в том числе и в рецензиях. Можно выделить три основные группы методов:

логические (к ним примыкают псевдологические – софизмы) методы;

«мистические» методы;

«художественные» методы.

К логическим методам Мережковский прибегает нечасто, так как избранный им стиль предполагает метафоризацию, а не выстраивание причинно-следственных связей. Однако и последнее может иметь место. *«Всякая власть от Бога», это значит, что человеческая, только человеческая власть, – не власть, а насилие, не от Бога, но от дьявола»* [5: 149].

Отметим, что это скорее пример софизма, ведь, если строго следовать логике, понятие «человеческая власть» явно выступает частью понятия «всякая власть», а вовсе не противопоставляется ему. И таких примеров у Мережковского можно отыскать немало.

Под «мистическими» методами мы понимаем способы убеждения, опирающиеся на религиозную символику, прежде всего на «Божественную Троичность», которая для Мережковского имеет ключевой смысл в контексте его любимой идеи «Третьего Завета». Он выстраивает сложные арифметические построения в духе нумерологии, используя их как доказательство своих идей. «*Величайший соблазн демонизма – непобежденный дуализм, двойственность (дьявол, равный Богу, два Бога), кощунственно раскалывает, раздваивает и удваивает Божественное Единство Троицы. Три вверху, в истине, и три внизу, в ложном зеркальном подобии, удвоенное три – шесть. Каждая из трех Божественных Ипостасей есть соединение двух остальных, так что всю полноту Троицы можно выразить символическим числом 333. Повторенное в дьявольском зеркале, удвоенное 333 дает 666. То же соотношение дуализма, двойственности и троичности выражается и в ином сочетании этих символических чисел 2 и 3: 2, деленное на 3, – 666… Получается непрерывная дробь, «дурная бесконечность», по выражению Гегеля, и первые три знака этой дроби образуются 666 – «число человеческое» и «звериное»* [5: 158].

К числу «художественных» методов мы отнесем способы убеждения, основанные на использовании возможностей художественного слова. В рецензии «Реформация или революция?» Мережковский

конструирует полилог, участниками которого являются носители «нового религиозного сознания» и историческая Церковь.

«Печется чужое мясо, слышите?» – «Кого? Св. Франциска?». – «Нет, Джироламо Савонаролы». – «Это, миленький, не из наших, и его печеного мяса мы не слышим. А вот о житиях и мученическом венце наших угодников не хочешь ли расскажу я тебе зело чудную повесть». – «Ну, ведь до того очевидно, что это страшно, что это грех, что горели на кострах «образы и подобия Божии». – «В варении ли покаяться?» – «Да. Нужно». – «А в человеческом мясе?» – «Нет, не нужно, потому что Я сожгла. Я живыми замуровывала в землю, в кирпичные стены: а Я свята» [3: 90-91].

В вышеприведенном отрывке убеждает не логика, и даже не факты. Действительно, существование и деяния инквизиции нельзя оспорить. Однако отрывок содержит еще несколько подтекстов, воспринимаемых неподготовленным читателем некритически:

1. Навязывание Церкви предикатов: жестокость, равнодушие, стремление манипулировать.

2. Отношение к казням: не сожаление, но гордость.

3. Самообожествление Церкви.

4. Ассоциативное приписывание перечисленных грехов (в том числе сожжения Савонаролы) Православной Церкви, о которой, собственно, в данной публикации идет речь.

Когда нет возможности прибегнуть к убеждению, Мережковский использует еще несколько любопытных приемов. Один из самых распространенных – предположение. *«Может быть… вопросы, неразрешимые в круге откровений, данных во Второй Ипостаси, в Сыне, будут разрешены в круге откровений Третьей Ипостаси, Духа. О конце мира не знает Сын, знает только Отец; быть может, и о конце зла не знает ни Отец, ни Сын, а знает только Дух? Может быть, потому и назван Дух Утешителем? Когда Отец отступит и Сын покинет, Дух не отступит, не покинет и неутешных утешит?»* [4: 155].

Другой способ трансляции спорных мыслей – выражение надежды. *Но тут кончается наша вера и начинается наша надежда, такая новая, такая робкая, что мы почти не смеем говорить о ней словами, а только молимся вместе с Духом «воздыханиями неизреченными»* [Там же].

По сути, мы можем уверенно говорить об использовании Д. С. Мережковским приемов манипулятивной семантики и риторики, которые в XX веке станут широко использоваться в журналистике. А обращение к проповеди как к исходному типу текста способствует переводу общественного сознания от формы религии к форме мифа, то есть «обобщенному представлению о действительности, сочетающему и нравственные, и эстетические установки, соединяющему реальность с мистикой» [6].

Примечания:

1. Шахбазян М. А. Церковная проповедь как парадигма русской религиозно-философской публицистики // Вестник Адыгейского государственного университета [Майкоп]. - 2011. -№ 1. С. 58-63.
2. Шестов, Л. Похвала глупости. По поводу книги Николая Бердяева «Sub specie aeternitatis» / Л. Шестов // Н.А. Бердяев: pro et contra. Антология. Книга 1. – СПб., 1994. – С. 169–181.
3. Мережковский, Д.С. О новом религиозном действии. Открытое письмо Н.А. Бердяеву / Д.С. Мережковский // Н.А. Бердяев: pro et contra. Антология. Книга 1. СПб., 1994. 573 с.

4. Архиепископ Аверкий Таушев. Руководство по гомилетеке. – М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2001. 75 с.
5. Мережковский, Д.С. В тихом омуте. М., 1991. 496 с.
6. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием [электронный ресурс] http://www.kara-murza.ru/books/manipul/manipul38.htm#_ftnref112.

References:

1. Shakhbazyan M.A. The church sermon as paradigm of Russian religio-philosophical publicism // The Bulletin of the Adyghe State University [Maikop]. – 2011. -№ 1. C. 58-63.
2. Shestov, L. The praise of foolishness. In connection with Nicolai Berdyaev's book «Sub specie aeternitatis» / L. Shestov // N.A. Berdyaev: pro et contra. Anthology. Book 1. – SPb., 1994. – P. 169–181.
3. Merezhkovsky, D.S. About new religious activity. Open letter to N. Berdyaev / D.S. Merezhkovsky // N.A. Berdyaev: pro et contra. Anthology. Book 1. – SPb., 1994. 573 pp.
4. Archbishop Averky Taushev. Guide in homiletics. – M.: Saint Tikhon's Orthodox Theological Institute, 2001. 75 pp.
5. Merezhkovsky, D.S. In still waters. M., 1991. 496 pp.
6. Kara-Murza S.G. Consciousness manipulation [electronic resource] http://www.kara-murza.ru/books/manipul/manipul38.htm#_ftnref112.